

БОРИС
СОКОЛОВ

Юлиан Семенов и его мифы

Семнадцать мгновений весны. Кинороман с историей

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

М.: Вече, 2023 – 608 с.

КАК РОЖДАЛСЯ ШТИРЛИЦ

*Борис Вадимович
Соколов (р. 1957) –
историк, филолог, член
ассоциации ПЭН-Москва.*

В новый сборник произведений Юлиана Семенова включены ранее не публиковавшийся литературный сценарий телесериала «Семнадцать мгновений весны», из которого вырос одноименный роман, и киноповесть «Исход» – о походе барона Романа Унгерна в Монголию в 1920–1921 годах (соответствующий роман Семенов так и не написал, одноименный же советско-монгольский фильм вышел на экраны в 1968 году). Также в сборник вошли другие произведения, предназначавшиеся для экранизации, но в итоге ставшие материалом, из которого развился замысел «Семнадцати мгновений весны». Речь идет о повестях «Господин большевик», «Одиссея 44-го года», «49 часов 25 минут» и нескольких ранее не публиковавшихся рассказов. Кроме того, в книгу включены материалы из архива писателя, так или иначе связанные с фигурой Штирлица, в том числе интервью Семенова с Отто Скорцени, Карлом Вольфом и Альбертом Шпеером. Открывает издание весьма информативное предисловие составителя Алексея Репина и факсимильная подборка документов, связанных с созданием сериала «Семнадцать мгновений весны».

Из предисловия мы узнаем, что история о тайной войне Штирлица с нацистской верхушкой первоначально являлась сценарием, на основе которого позднее был написан роман. Здесь надо принять во внимание, что гонорар за сценарий сериала был существенно выше, чем можно было получить за роман, да и успех сериала гарантировал бы роману дополнительные тиражи. «Семнадцати мгновениям весны» предшествовали два семеновских киноромана – «Пароль не нужен» (1965) и «Майор Вихрь» (1966). Кинороман у Семенова – это «произведение художественной прозы, не требующее дополнительной адаптации для кинематографа» (с. 5). Иными словами, сначала создается литературный сценарий, из которого потом возникает режиссерский сценарий, с одной стороны, и роман, с другой. Советский разведчик, работающий в спецслуж-

бах нацистской Германии в годы Второй мировой войны, впервые появляется в романе «Майор Вихрь». Это герой романа «Пароль не нужен» – чекист Всеволод Владимиров, работавший под маской белогвардейского журналиста Максима Исаева. Именно он во втором киноромане перевоплотился в Штирлица. В «Майоре Вихре» писатель первоначально планировал ввести в число действующих лиц просто полковника абвера Исаева:

«Максим Максимович [Исаев] не легендировался под немца, а служил в абвере под своим именем, как и некоторая часть эмигрировавших офицеров белых армий. Но затем пришла идея “внедрить” его не в абвер, а в СД – и именно как немца, что давало более серьезные возможности для персонажа и простор для авторской фантазии, выводило сюжет на верхи “третьего рейха”» (с. 11).

Это свидетельство помогает понять генезис образа Штирлица. Действительно, в вермахте служили белоэмигранты, главным образом в качестве переводчиков. Но в абвере только один русский белоэмигрант имел чин полковника германской армии – это Борис Смысловский (1897–1988), бывший капитан Вооруженных сил Юга России и Русской армии Врангеля, в Германии также известный под именами «Артур Хольмстон» и «фон Регенау». 4 апреля 1945 года, в самом конце Второй мировой войны, Смысловский, начавший службу еще в рейхсвере, был произведен в генерал-майоры вермахта и назначен командующим 1-й Русской национальной армией. До того он командовал Особой дивизией R, состоявшей преимущественно из советских военнопленных, тогда как офицерами были эмигранты. Дивизия насчитывала несколько тысяч человек и занималась тактической разведкой на Восточном фронте и борьбой с партизанами и советскими разведывательно-диверсионными группами. Ее части в виде двенадцати разведывательных школ (учебных батальонов) были разбросаны по всему фронту. Реально под командованием Смысловского в апреле 1945 года находилось не более батальона, так как вывести части дивизии с фронта и сконцентрировать их в одном месте не было ни времени, ни возможности.

Смысловский хорошо известен тем, что в мае 1945-го сумел вывести остатки дивизии в Лихтенштейн и избежать принудительного возвращения своих подчиненных в СССР. Этот эпизод отображен во франко-швейцарском фильме «Ветер с востока» («Vent d’Est», 1992), где Смысловского сыграл британский актер Малкольм Макдауэлл. В 1948-м Смысловский с частью своих сослуживцев эмигрировал в Аргентину, в 1956-м переехал в США, а в 1968-м вернулся в Лихтенштейн. Он активно сотрудничал с западными спецслужбами, а в 1966–1973 годах, по

БОРИС СОКОЛОВ
ЮЛИАН СЕМЕНОВ
И ЕГО МИФЫ

некоторым данным, был советником бундесвера¹. Вполне вероятно, что первоначальный замысел образа будущего Штирлица был подсказан кем-то из знакомых Семенова в КГБ. Ведь в этом случае прототип легко высчитывался – и одним из побочных эффектов могло бы стать недоверие к Смысловскому со стороны западных спецслужб.

Но, очевидно, писатель очень скоро понял, что гораздо интереснее сделать своего героя «немцем», служившим в СД, в связи с чем возникала важная тема перевоплощения советского разведчика-коммуниста в убежденного германского нациста. Да и в КГБ, вероятно, поняли, что представить Смысловского в роли советского агента вряд ли получится.

Отмечу, что Смысловский, по всей вероятности, послужил одним из прототипов начальника немецкой разведгруппы Мищенко в пятисерийной телевизионной экранизации романа Владимира Богомолова «Момент истины (В августе сорок четвертого...)» под названием «Операция “Неман”» (2023, режиссер Сергей Виноградов). Там Мищенко (Алексей Кравченко) – полковник абвера и, как и Смысловский, женат на немке. А поскольку у сериала открытый финал – Мищенко на экране не погибает, – то теоретически «Операция “Неман”», снятая в жанре «экшен», может прирасти новыми сезонами о послевоенном противостоянии Мищенко-Смысловского и советской контрразведки.

Но один эпизод биографии Смысловского Семенов, возможно, своему Штирлицу все-таки приписал. С конца 1943 года командир дивизии *R* находился под домашним арестом, и против него велось следствие по обвинению в несанкционированных связях с Народно-трудовым союзом, а также с польскими и украинскими подпольными организациями. Обвинения не подтвердились, и в конце апреля – начале мая 1944 года Смысловский был освобожден и даже награжден крестом 2-го класса ордена Заслуг германского орла². Этот орден вручался по большей части иностранцам из числа союзников Германии (первым его получил Бенито Муссолини). Крест за заслуги 2-го класса с мечами вручался военным в чинах, соответствующих генерал-майору и генерал-лейтенанту германской армии, так что Смысловский получил этот орден авансом. А в «Семнадцати мгновениях весны» Мюллер открывает следствие против Штирлица, в котором подозревает советского шпиона, но, в конце концов, послед-

- 1 Историю Смыловского и подчиненных ему частей см.: Грибков И.В., Жуков Д.А., Ковтун И.И. *Особый штаб «Россия»*. М.: Вече, 2011.
- 2 Там же. С. 236–244, 254–255. Юлиан Семенов мог почерпнуть все эти сведения из многочисленных автобиографических публикаций Смыловского, вышедших после Второй мировой войны, в том числе на русском языке, например: Хольмстон-Смыловский Б.А. *Избранные статьи и речи*. Буэнос-Айрес, 1953; Он же. *Война и политика. Часть первая: Партизанское движение. Часть вторая: Мысли солдата*. New York: Всеславянское издательство, 1957.

нему удается выкрутиться. Здесь важен сам факт подозрения в связях с кем-то за пределами конкретной институции, а не то, с кем именно эти связи предполагаются.

Весной 1967 года Юлиан Семенов подал заявку на новый роман в «Воениздат», и одновременно на сценарий (кинороман) – на «Ленфильм». Первоначальный замысел существенно отличался от итогового результата. Действие должно было происходить в Берлине и Праге в последние дни войны, поэтому роман и сценарий назывались «Семнадцать мгновений апреля». В финале, согласно первоначальному замыслу, Штирлиц вместе со своим сыном Александром Исаевым (он же Коля Гришанчиков), одним из главных героев романа и сериала «Майор Вихрь», должны были найти (и захватить) секретные архивы СС. Семенов в заявке на сценарий писал:

«Исаев не только сумел похитить секретные архивы СД, касающиеся агентуры СД и СС, оставленной в наших тылах, но и открыл код “Вервольфа”, подпольной гитлеровской организации, призванной поднять “партизанское движение” против советских войск» (с. 61).

Этот сюжет был не нов. Еще в фильме Михаила Ромма «Секретная миссия» (1950, сценаристы Михаил Маклярский и Константин Исаев) предшественница Штирлица, штурмбаннфюрер СС Марта Штирке (она же советская разведчица Маша Глухова) ценой своей жизни добывает копии архивов СД – списки германской агентуры в СССР и странах Восточной Европы, – которые, кстати сказать, руководители германских спецслужб собираются передать американцам. В семеновских заявках на роман и сценарий уже присутствовала тема сепаратных переговоров Гимmlера с Западом, но довольно отдаленно. В заявке на сценарий отмечалось:

«Исаев через Берга (завербованного еще в «Майоре Вихре» полковника абвера. – Б. С.), вхожего к Фегеляйну, [...] выходит на сепаратные переговоры между Гимmlером и представителями Шведского Красного Креста о заключении одностороннего договора с западными союзниками» (с. 61).

В заявке же на роман говорилось только о получении Исаевым-Штирлицем «через Фегеляйна, косвенным путем [сведений] о переговорах Гимmlера с западными союзниками о заключении сепаратного антибольшевистского перемирия» (с. 60). Группенфюрер и генерал-лейтенант войск СС Герман Фегеляйн, муж сестры Евы Браун и офицер связи Гимmlера в ставке Гитлера, в первой заявке на роман и фильм был представлен как советский агент: «Фегеляйн оказал помощь нашей разведке и за это был казнен» (с. 61) (в действительности Фегеляйн был расстрелян в ночь на 29 апреля 1945 года за попытку бегства

из бункера рейхсканцелярии). В случае с Фегеляйном Семенов ссылался на сведения, полученные от генерал-лейтенанта Рудольфа Бамлера, бывшего высокопоставленного сотрудника абвера, позднее – одного из создателей Штази.

Непосредственно к работе над литературным сценарием и романом писатель приступил только осенью 1968 года и сразу же изменил основной сюжет: теперь речь шла о действиях Штирлица в связи с попытками руководства «третьего рейха» заключить сепаратный мир с западными странами («первый черновой вариант рукописи – это уже почти общеизвестный ныне текст», с. 24).

Можно догадаться, что побудило Семенова изменить сюжет. Как раз в 1968 году в ГДР на телеэкраны вышел третий сезон сериала «Тайный отряд» – двухсерийный «Тайный отряд: Шпрее» («Geheimkommando Spree») режиссера Хельмута Кретцига. Действие происходит в апреле 1945 года; главные герои – бывший фельдфебель вермахта Тони Буриан (Хорст Вайнхаймер), ставший антифашистом и членом комитета «Свободная Германия», и лейтенант «Смерш» Борис Быков (Гюнтер Шосс) – помогают работающему на советскую разведку обер-лейтенанту абвера Бернду Роланду (Отто Мейлис) войти в доверие к окружению главы Имперского главного управления безопасности (РСХА) Эрнсту Кальтенбруннеру (абвер в то время контролировался РСХА) и сорвать сепаратные переговоры между абвером и англо-американским командованием.

Не исключено, что, принимая во внимание тесные связи советских и восточногерманских кинематографистов, создатели сериала «Тайный отряд» узнали о заявке Юлиана Семенова, где одной из сюжетных линий, пусть не главной, была тема сепаратных переговоров вождей «третьего рейха» с Западом, предотвращенных советским разведчиком, – и решили снять фильм на эту тему. Но доказательств этому нет. Во всяком случае Семенов наверняка видел «Тайный отряд», и скорее всего под влиянием этого фильма в «Семнадцати мгновения весны» появился образ солдата войск СС Гельмута Кальдера, который ценой своей жизни спасает радистку Кэт (Екатерина Градова). В телесериале Кальдера играет исполнитель роли Бернда Роланда – Отто Меллис (в титрах назван «Отто Мелиесом»). Он также озвучивал Штирлица для показа «Семнадцати мгновений» в ГДР (очевидно, учли, что он сыграл кинопрототипа главного героя).

Составитель книги Алексей Репин упоминает, что, поскольку восточногерманский минисериал «Тайный отряд» так повлиял на замысел семеновского романа и сценария, было вполне логично планировать совместную постановку с киностудией ГДР DEFA, партнером которой с советской стороны должно было выступить творческое объединение «Экран» на

базе «Ленфильма». Однако это сотрудничество не состоялось: переговоры с DEFA затянулись, и в апреле 1970 года Семенов предпочел вернуть аванс и разорвать договор с «Экраном», заключив новый договор на сценарий с Киностудией имени Горького (с. 32–33). В отличие от «Тайного отряда», у Семенова в романе непосредственно действуют первые лица «третьего рейха», включая Гитлера, Геринга, Геббельса, Гимmlера, Бормана, Кальтенбруннера и других, характеристики которых писатель почерпнул главным образом из мемуаров Шелленберга. Репин также пишет:

БОРИС СОКОЛОВ
ЮЛИАН СЕМЕНОВ
И ЕГО МИФЫ

«[Маловероятно, что] Юлиан Семенов изучал агентурное дело Вилли Лемана – агента “Брайтенбаха”. Материалы о нем были рассекречены Службой внешней разведки после 1998 года. [...] Можно встретить информацию, что о Лемане якобы написано в “Лабиринте” Шелленберга, – однако это неверно, упоминаний о Лемане там нет (ни в русском переводе, ни в английском оригинале). Шелленберг (или авторы его мемуаров), проводя линию намеков “работы Мюллера на русских”, не оставил бы в стороне эту историю» (с. 20–21).

Действительно, в «Лабиринте» – переводе мемуаров Шелленберга на английский язык, вышедшем в США в 1956-м, – никаких упоминаний о деле Вилли Лемана нет³. Однако в немецком переиздании мемуаров Шелленберга (1959) читаем:

«Еще один удар удалось Советам нанести мне в области промышленного шпионажа. В нашем отделе, ведавшем этой работой, служил пожилой, тяжело больной сахарным диабетом инспектор Л., которого все на службе за его добродушие звали дядюшкой Вилли. Он был женат и вел скромную жизнь простого бюргера. Правда, у него была одна страсть – лошадиные бега. В 1936 году он впервые начал играть на ипподроме, и сразу же его увлекла эта страсть, хотя он проиграл большую часть своего месячного заработка. Знакомые дали потерпевшему неудачу новичку хорошие советы, и дядюшка Вилли утешился возможностью вскоре отыграться. Он сделал новые ставки, проиграл и остался без денег. В отчаянии, не зная, что делать, он хотел тут же покинуть ипподром, но тут с ним заговорили двое мужчин, которые явно видели его неудачу, “Ну, и что ж с того? – произнес тот, кто назвал себя Мецгером. – Со мной такое раньше тоже случалось, так что нечего вешать голову”. Мецгер проявил понимание к страстишке дядюшки Вилли и предложил ему в виде помощи небольшую сумму денег с условием, что он будет получать пятьдесят процентов от каждого выигрыша. Дядюшка Вилли согласился, но ему опять не повезло, и он проиграл. Он получил новую субсидию и на этот раз выиграл. Но эти деньги ему теперь были крайне необходимы для семьи. Теперь Мецгер

3 SCHELLENBERG W. *The Labyrinth: Memoirs of Walter Schellenberg, Hitler's Chief of Counterintelligence*. Cambridge: Da Capo Press, 1956.

предъявил ему счет. Он потребовал вернуть все полученные на игру деньги, и, поскольку дядюшка Вилли не в состоянии был расплатиться, тот пригрозил заявить об этом вышестоящему начальству. Во время этого разговора Л. был под хмельком и согласился на условия своего сердобольного “друга”. За предоставление новой ссуды он обещал передавать ему информацию из центрального управления нашей разведки. Отныне он состоял на службе у русских. В течение нескольких лет его так умело использовали, что со стороны никто не заметил появления у него нового источника доходов. Он мог теперь удовлетворить свою страсть к игре на скачках, но при этом тщательно следил за тем, чтобы его образ жизни остался прежним. Его растущий банковский счет был так тонко устроен, что здесь не могло возникнуть никаких подозрений. В качестве промежуточного лица здесь действовал Мецгер, который брал со счета необходимые суммы.

За время своего сотрудничества с русскими Л. передал им столько обширного и важного материала, что мы вынуждены были во многих областях провести серьезную реорганизацию. На допросе он признался, что передавал своим партнерам не только устную информацию, но и важные документы. Бумаги он обычно носил за подкладкой шляпы. “Хозяин” Мецгера, имевший внешность преуспевающего человека, носил такую же шляпу. Когда он выходил из ресторана, где происходила встреча, они незаметно обменивались шляпами. Сведения в тот же вечер переправлялись в Москву из дома, расположенного в глубине двора, где советские агенты оборудовали свою радиостанцию. Сам радист был коммунистом, обучавшимся в Москве, который состоял не только в КПГ, но и в НСДАП, и в прочих нацистских организациях. Соседи и сослуживцы знали его как ревностного национал-социалиста. Но как-то он заболел и вынужден был лечь на операцию. Под наркозом он начал говорить о необходимой перемене шифра и несколько раз вскрикивал: “Почему Москва не отвечает?” Врач, оперировавший его, сам пошел к Мюллеру и сообщил о случившемся. Обнаруженное таким образом шпионское кольцо включало в общей сложности шестнадцать человек, к которым принадлежал и дядюшка Вилли. Вместе с другими восемью обвиняемыми он по приговору суда был расстрелян. Так как Гиммлер приказал держать все это дело в тайне, на службе у дядюшки Вилли мы распространили известие, что он во время служебной поездки в Варшаву, по всей вероятности, во время приступа сахарной комы, выпал из поезда и разбился насмерть. Я думаю, что до сих пор никто, кроме тогдашних участников дела, ничего не узнал о действительной подоплеке событий»⁴.

Конечно, Семенов вряд ли знал, что Вилли Л. носил фамилию Леман, и наверняка не знал про его оперативный псевдоним «Брайтенбах» (своего Штирлица писатель наградил псевдонимом «Юстас»). Но из мемуаров Шелленберга он по-

4 Шелленберг В. *В паутине СД*. М.: Вече, 2012. С. 140–142.

нял, что в его отделе еще с довоенных лет работал советский агент, занимавший достаточно высокую должность, чтобы получать очень ценную информацию. А немец-радист, проговорившийся под наркозом о своей тайной миссии, но на чистом немецком языке, превратился в «Семнадцать мгновений» в «русскую пианистку Кэт», которая во время родов кричит по-русски и тем выдает себя.

В романе и фильме «Пароль не нужен» есть эпизод вербовки Исаевым адъютанта главы Временного Приамурского правительства Спиридона Меркулова, поручика Фривейского. Он в точности повторяет эпизод вербовки Вилли Лемана, который тоже очень любил играть на бегах, а когда основательно проигрался и влез в долги, то предложил свои услуги советской разведке. Из этого можно сделать вывод, что во время работы над романом «Пароль не нужен» в 1964-м писатель уже был знаком либо с немецким оригиналом издания мемуаров 1959 года, либо с его не предназначавшимся для печати переводом на русский язык.

Репин упоминает о встречах Юлиана Семенова с советскими разведчиками-нелегалами Норманом Бородиным (по свидетельству генерал-майора КГБ Вячеслава Кеворкова, «Юлиан очень подробно расспрашивал Бородина о жизни во Франции», с. 18) и Кононом Молодым (в записных книжках Семенова упоминается встреча с человеком, который стал «прототипом героя “Мертвого сезона”», с. 17), справедливо оговариваясь, что они все же мало чем могли помочь при создании образа разведчика-нелегала, работающего в спецслужбе нацистской Германии. Тот же Молодой в годы Великой Отечественной войны был успешным фронтовым разведчиком, ходил за «языками», получал награды, но о жизни разведчика-нелегала в нацистской Германии и вообще о жизни в «третьем рейхе» он мало что мог сказать создателю Штирлица. Такая же ситуация была с Бородиным, который работал нелегалом во Франции, а не в Германии. Молодой и Бородин помогли писателю понять психологию разведчика-нелегала вообще, но не конкретно в нацистской Германии. От исторического прототипа, Вилли Лемана, писатель взял место работы в отделе внешней разведки у Шелленберга, а также обстоятельства его провала, связанные с радистом. Но никаких качеств «дядюшки Вилли» в изложении Шелленберга Семенов своему герою не передал. Штирлиц совсем не выглядит добродушным дядюшкой, не страдает диабетом, не увлекается игрой на скачках и не бывает под хмельком.

Что же касается основной интриги фильма – переговоров Карла Вольфа с Алленом Даллесом, – то они действительно имели место, но их инициатором был не обергруппенфюрер Вольф, а фельдмаршал Альберт Кессельринг – главнокоманду-

ющий германскими войсками в Италии, скептически относившийся к их успеху и записавший в мемуарах:

«Весной 1944 года без ведома Верховного командования вермахта – хотя позже я доложил о своих действиях Гитлеру – я преодолел угрызения совести и вступил в контакт с американскими посредниками в Швейцарии через генерала СС Вольфа, поскольку считал, что война должна быть закончена путем переговоров на дипломатическом уровне. Я рассматривал этот шаг не как прелюдию к капитуляции войск в моей сфере ответственности, а как помощь правительству в налаживании переговорного процесса. [...]

Я не мог разделить веру Верховного командования в то, что западные союзники России, осознавая угрозу коммунизма, продвигаются вперед и создадут фронт, направленный против советских войск, хотя генерал СС Вольф, ведя переговоры в Швейцарии, с которыми ассоциировалось мое имя, и предлагая американцам заключить перемирие, понимал, что Рузвельт был убежден в «двуличности политики Советов»⁵.

Переговоры Вольфа с американцами в Швейцарии начались весной 1944 года, накануне высадки союзников во Франции. На определенном этапе в известность о них был поставлен Гитлер. Когда это произошло, Кессельринг прямо не пишет. Но из следующего его свидетельства можно заключить, что это случилось после того, как англо-американские союзники освободили Францию:

«Рассуждения о том, было ли успешное вторжение противника в Нормандии окончательным решением нашей судьбы, казались мне неуместными в обстановке, когда крах нашей обороны на Западном фронте убил последнюю надежду на возникновение тупиковой, патовой ситуации, а мы оказались в отчаянном положении. Именно по этой причине начиная с осени 1944 года я поддерживал план генерала СС Вольфа, состоявший в установлении контакта с американцами в Швейцарии. Как солдат я убедил себя, что на данном этапе войны политические переговоры с противником были неизбежными и необходимыми»⁶.

Гитлер об инициированных Вольфом и Кессельрингом переговорах с американцами в Швейцарии знал, а вот Гиммлер – нет. Поэтому рейхсфюрер в последние дни войны пытался установить контакт с США и Англией через главу Международного Красного Креста, шведского графа Фольке Бернадота. Будь он осведомлен о переговорах Вольфа, необходимости бы в этом не было. Карл Вольф был начальником личного штаба Гимmlера в 1936–1943 годах. Однако потом его отношения

5 Кессельринг А. *Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала третьего рейха. 1933–1947*. М.: Центрполиграф, 2003. С. 453, 432.

6 Там же. С. 436–437.

с рейхсфюрером испортились в связи со скандальным разводом и новым браком Вольфа, против которого возражал Гиммлер. В результате обергруппенфюрер был сослан в Италию начальником войск СС и полиции при главнокомандующем на Юго-Западе, то есть при Кессельринге. И Вольф не сообщил Гиммлеру о своих переговорах в Швейцарии.

Семенов же заставил Вольфа действовать по поручению Гиммлера – это была чистой воды писательская фантазия. Как явствует из первоначальной заявки, автор «Семнадцати мгновений весны» прекрасно знал (очевидно, из книги Шелленберга) о переговорах Гиммлера через Шведский Красный Крест в конце войны. А следовательно, должен был догадаться, что рейхсфюреру незачем было бы искать каких-то новых посредников для переговоров, если бы у него уже был установлен контакт по линии Вольф–Даллес. Публикуемый же в рецензируемой книге литературный сценарий «Семнадцать мгновений весны» содержит следы более ранней редакции, в которой действие происходило весной 1944 года. Штирлиц говорит в беседе с пастором Шлагом: «Мы пришли к власти в 1933 году. Сейчас 1944-й. Чего же вы хотите от нас? Мы живем одиннадцать лет, насилуя инакомыслящих!» (с. 110). В другом разговоре со Штирлицем пастор говорит: «Мне было страшно все эти одиннадцать лет вашего пребывания у власти» (с. 158). Поскольку нацисты пришли к власти в январе 1933-го, одиннадцать лет однозначно указывают на 1944-й как время действия. А Карл Вольф рассказывает Вальтеру Шелленбергу, что именно он собирается предложить Аллену Даллесу: «Речь идет о том, чтобы Запад мог взять под контроль Северную Италию, Францию и – определенным образом – Швейцарию. Так и только так выстроится баррикада против коммунизма» (с. 125). Но к весне 1945 года США и Англия уже давно контролировали территорию Франции, и глупо было предлагать Даллесу установить над ней контроль. Зато для весны 1944-го такое предложение соответствовало реалиям: Франция была оккупирована немцами, и союзники только готовились высадиться на нормандском побережье. Получается, что в этой редакции действие начиналось еще до событий, описанных в «Майоре Вихре».

В сценарии инструкции Вольфу дает Шелленберг – и обергруппенфюрер (полный генерал) покорно слушает наставления бригадефюрера (генерал-майора). Очевидно, Семенов почувствовал нелепость происходящего, и в опубликованном тексте романа, и в сериале инструктирует Вольфа уже сам Гиммлер. В реальности же обергруппенфюрера насчет переговоров с американцами инструктировал его непосредственный начальник – фельдмаршал Кессельринг.

В первоначальном сценарии, как и в романе, и в сериале «Семнадцать мгновений весны», немало ошибок в изображении реалий «третьего рейха». Начнем с формы СС. В сценарии, романе и фильме она черная, чего не могло быть в то время, когда разворачивается действие. Вероятно, Юлиан Семенов, а потом Татьяна Лиознова смотрели фильм Лукино Висконти «Гибель богов» (1969), события которого происходят в 1933–1934 годах, накануне и во время «ночи длинных ножей» 30 июня 1934 года, когда эсэсовцы по приказу Гитлера уничтожили руководство штурмовых отрядов (СА). Там чины СС одеты в черные мундиры, что абсолютно соответствует исторической истине. Но действие «Семнадцати мгновений весны» относится не к 1934-му, а к 1945 году. А в 1939-м, после начала Второй мировой войны, цвет формы СС радикально поменялся – с черного на светло-серый. Оставшиеся запасы черной эсэсовской формы использовали для обмундирования вспомогательной полиции на оккупированных восточных территориях. На фронте же войска СС носили либо мундиры вермахта цвета фельдграу, но со знаками отличия СС, либо камуфляж. Например, часть бойцов дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер» в сентябре–октябре 1943 года участвовала в разоружении капитулировавшей итальянской армии, и потом многие бойцы дивизии щеголяли в трофейном итальянском камуфляже. Конечно, замена формы произошла не в один день. Например, на фото посещения Гиммлером и Кальтенбруннером концлагеря Маутхаузен в апреле 1941 года оба они одеты уже в серые мундиры. При этом Гиммлер одет в брюки от полевой формы и ботинки. Комендант лагеря, штурмбаннфюрер Франц Цирайс, носит полевую форму фельдграу, а гауляйтер и рейхсштатгальтер Обердонау (Верхний Дунай), бригадефюрер СС Август Айгрубер, предпочитает старую черную форму. Но к 1945 года уже все эсэсовцы переоделись либо в новую серую, либо в полевую форму.

Точно такую же ошибку сделала Лилиана Кавани, ориентирующаяся на фильм своего учителя Лукино Висконти «Гибель богов», одев в «Ночном портье» (1974) эсэсовцев периода Второй мировой войны в анахроничные черные мундиры. И именно черный мундир стал важным элементом своего рода культурного мифа об СС не только в СССР, но и в других государствах Антигитлеровской коалиции; СС часто именуют «Черным орденом». Очевидно, здесь была прямая ассоциация с многочисленными преступлениями («черными делами»), совершенными этой организацией.

Другие ошибки в романе и фильме связаны с топографией Берлина. IV отдел РСХА (гестапо) Генриха Мюллера и VI отдел РСХА (внешняя разведка) Вальтера Шелленберга, в отличие от того, что мы видим в романе и фильме, никогда не нахо-

дились в одном здании. Ведомство Мюллера располагалось на Принц-Альбрехтштрассе 8 и 9, а ведомство Шелленберга – на Беркаерштрассе 32. Расстояние между этими зданиями составляет более десяти километров. В январе 1945 года британская авиация разбомбила здание гестапо, после чего его отдельные подразделения были разбросаны по всему Берлину. Возможно, Семенов просто списал столичную топографию германских спецслужб с КГБ СССР, где почти все главные управления и управления располагались в комплексе зданий на Лубянке⁷.

Также у Семенова есть ошибки, связанные с разделением компетенций между различными управлениями РСХА. Так, уже в первом варианте сценария пастор Шлаг освобожден из тюрьмы по распоряжению Шелленберга: «Была только устная директива Шелленберга – выпустить пастора под наблюдение Штирлица» (с. 160). Эта же нелепость сохранилась в окончательном тексте романа и в сериале. В реальности такого быть не могло. Отдел Шелленберга не обладал правом производить аресты. Шлаг мог быть арестован только гестапо, как это и происходит в романе и фильме. Но в таком случае он мог быть освобожден только по распоряжению либо Мюллера, либо главы РСХА Эрнста Кальтенбруннера.

Также Мюллер не мог арестовать шофера Мартина Бормана, заместителя Гитлера по партии, так как гестапо было запрещено предпринимать какие-либо действия против сотрудников партийной канцелярии. Такой арест мог произойти только с санкции самого Бормана. Шелленберг не мог приказать расстрелять собственных адъютантов. Он не имел на это полномочий. Да и не было во внешней разведке СД практики убирать ненужных свидетелей из числа своих сотрудников. Здесь писатель скорее воспроизводит практику НКВД, нередко ликвидировавших про штрафившихся агентов и резидентов, а также опасных свидетелей⁸. А весь эпизод с убийством адъютантов введен для того, чтобы Шелленберг не выглядел таким «чистеньким» нацистом, не причастным ни к каким преступлениям. Точно так же Штирлиц не мог иметь своего личного агента Клауса, поскольку внешняя разведка не имела права иметь агентуру внутри Германии. Убийство Клауса Штирлицем не мотивировано сюжетом и скорее всего вызвано желанием писателя покарать подлеца.

В первом варианте сценария Мюллер вначале ошибочно именуется обергруппенфюрером, но ближе к концу Семенов понизил его до его настоящего звания – группенфюрер. Штирлиц в одном месте в сценарии назван оберштурмбаннфюрером (с. 144). Это может быть следом более ранней редакции, где

7 Райхель Ю. *Проколы Штирлица* // Днепр Вечерний. 2018. 31 октября (<https://dv-gazeta.info/vechyorka/politic/prokolyi-shtirlitsa.html>).

8 Там же.

действие начиналось весной 1944 года и Штирлиц тогда мог быть еще в указанном чине, который предшествовал штандартенфюреру.

В первой редакции сценария в финале содержался намек на скорую гибель Штирлица: «Наступала весна, великая весна мира. Она наступила для земли, для травы, для деревьев, для людей этой земли. Она наступила для всех – для всех, кроме Максима Исаева» (с. 298). Однако и в романе, и в сериале гораздо более оптимистический финал без какого-либо намека на близкую смерть главного героя. Писатель раздумал убивать столь перспективного персонажа и посвятил ему еще много романов, в том числе таких, где действие происходит уже в послевоенное время.

Несмотря на ряд неточностей и ошибок, Юлиан Семенов и Татьяна Лиознова (при этом их отношения между собой были далеки от идеальных, о чем подробно говорится в предисловии Репина) создали мощный миф о великом советском разведчике-нелегале Исаеве-Штирлице, миф, переживший Советский Союз. По количеству анекдотов с «Семнадцать мгновений весны» может соперничать разве что фильм братьев Васильевых «Чапаев». А «штирлиц» стало нарицательным обозначением не только советских, но и российских разведчиков-нелегалов. Этому способствовала, конечно, огромная популярность сериала – и образа, созданного актером Вячеславом Тихоновым на основании текста Юлиана Семенова. Как говорил Семенов во время прямой линии с читателями «Комсомольской правды» в 1986 году, в образе Исаева-Штирлица он стремился «создать героя чистого, смелого, доброго и его глазами рассмотреть те периоды нашей истории, которые прежде всего волнуют меня, – это [...] Революция, наше сражение против нацизма и атомной маниакальности» (с. 365).

ЮЛИАН СЕМЕНОВ И ОТТО СКОРЦЕНИ: БЫЛА ЛИ ВСТРЕЧА?

Из публикуемых в рецензируемой книге интервью Семенова непосредственное отношение к теме «Семнадцати мгновений весны» имеют интервью с Отто Скорцени (с. 326–351) и Карлом Вольфом (с. 351–356)⁹. Сразу скажу, что в плане аутентичности первое из них никакого доверия не вызывает. Со Скорцени в Мадриде в 1974 году Семенов якобы беседовал целых восемь часов: «Мы встретились в семь часов вечера, а расстались в три

⁹ Отто Скорцени (1908–1975) – оберштурмбаннфюрер СС, диверсант, прославившийся несколькими дерзкими операциями, в частности, похищением арестованного после свержения Бенито Муссолини в 1943 году. Карл Вольф (1900–1984) – один из высших офицеров СС.

часа утра», причем Скорцени называл советского писателя не иначе как «дорогой друг» (с. 327). Интересно, а Семенов тоже называл бывшего нацистского диверсанта «дорогим другом»? Но, несмотря на теплый восьмичасовой разговор, писатель так и не догадался сделать историческое фото с собеседником. И почему-то Семенов так и не спросил у Скорцени, в каком чине тот закончил войну, потому что называет его штандартенфюрером СС. Но Скорцени окончил войну оберштурмбаннфюрером и штандартенфюрером никогда себя не называл. По этому поводу он иронически писал в мемуарах:

«Служба радиоперехвата сообщила мне [...] информацию Би-би-си, согласно которой Гитлер [во время их встречи в конце марта 1945 года. – Б. С.] произвел меня в генерал-майоры и назначил на важный пост в руководстве обороной Берлина. Би-би-си сообщало, что я якобы буду проводить чистки. В действительности Гитлер вручил мне Дубовые листья к Рыцарскому кресту за оборону Шведта и поздравил меня»¹⁰.

Также писатель утверждал, что Скорцени был хорошо знаком с его творчеством, поскольку тот сразу же спросил Семенова: «Кто-то из десяти самых близких к фюреру людей передавал в Берн по радио вашему Шандору Радо – через Ресслера – самые секретные данные. Кто эти люди? Почему вы ни разу ни писали о них?» (с. 327). Подобное заявление предполагает практически тотальное знакомство Скорцени с творчеством Семенова. Между тем реальная известность автора «Семнадцати мгновений весны» ограничивалась территорией Советского Союза и стран-союзниц СССР.

В изложении Семенова интервью со Скорцени выглядит как пространственные семеновские монологи, сопровождаемые короткими репликами Скорцени. Кроме того, писатель включил в очерк об этом интервью свои обширные воспоминания о встречах с Шандором Радо и другими людьми, размышления о Мартине Бормане, Гиммлере и других главарях «третьего рейха». Получается, что за восемь часов беседы Скорцени наговорил едва на пару страниц книжного текста.

В этом тексте есть явные нелепости, которых сам Скорцени никогда не сказал бы. Так, перед первой встречей Скорцени с Гитлером в июле 1943 года Борман будто бы просил будущего освободителя Муссолини не говорить фюреру «правды о положении на фронтах, о настроении солдат, о скудном пайке, о том, что карточная система душит нацию, о том, что люди устали» (с. 330). Но ни Борман, ни Скорцени не были глупы. К тому времени Скорцени последний раз был на фронте в декабре

10 СКОРЦЕНИ О. *Неизвестная война*. Минск: Попурри, 2012. С. 515.

1941 года под Москвой. Так что спрашивать его о положении на фронте и настроениях солдат было бессмысленно: в июле 1943-го они были совсем иные, чем декабре 1941-го. А в качестве офицера СС Скорцени получал вполне приличный паек. Еще Семенов вложил в уста Скорцени следующий пассаж о лидере украинских националистов Степане Бандере:

«Скорцени много рассказывал о своем “друге” Степане Бандере, банду которого он выводил зимой 1945-го с Украины.

– Это был легендарный рейс. Я вел Бандеру по “радиомаякам”, оставленным в Чехословакии и Австрии, в тылу наших войск. Нам был нужен Бандера, мы верили ему, он хорошо дрался на Восточном фронте. Гитлер приказал мне спасти его, доставив в рейх для продолжения работы, – я выполнил эту задачу» (с. 341).

В действительности Степан Бандера после 1940 года на Украине больше не появлялся и на Восточном фронте никогда не сражался. В первой версии мемуаров Скорцени (1950) имя Бандеры вообще не упоминалось. Там говорилось только о связи Скорцени с УПА¹¹:

«Осенью 1944 года я поручил гауптману К. провести на Украине специальную операцию и проверить правильность [...] слухов. С группой немецких солдат в составе восьми человек и оснащенной радиосредствами гауптман К. через Карпатский фронт просочился в глубь Карпатской Украины, а затем направился на восток. Операция длилась три недели, во время которых группа совершила рейд по глубоким тылам русских войск. После благополучного возвращения этой группы мы получили достаточно полную картину сложившейся ситуации.

УПА действительно смогла сформировать отряды, насчитывавшие порой более тысячи человек, и взять под контроль целые районы. Ее борьба с тыловыми частями русской армии осуществлялась методом “наскока”. Оружие, боеприпасы и иное оснащение членам УПА приходилось добывать в ходе нападений на советские подразделения. Гауптману К. удалось лично переговорить с некоторыми руководителями УПА и выяснить, что немецкие солдаты на самом деле сражались в рядах украинского освободительного движения и в основном выполняли роль младших командиров. Руководство УПА было готово обменять немецких солдат на поставки вооружения и другого оснащения. Ими были подготовлены даже аэродромы, на которых можно было забрать раненых и больных немецких солдат. Однако положение дел, связанное со снабжением фронтов бензином, настолько осложнилось, что на подобные операции просто не хватало горючего»¹².

11 Организация «Украинская повстанческая армия» (УПА) на территории Российской Федерации признана экстремистской и запрещена.

12 Скорцени О. *Секретная команда. Воспоминания руководителя спецподразделения немецкой разведки. 1939–1945*. М.: Центрполиграф, 2019. С. 349; нем. оригинал: SKORZENY O. *Geheimkommando Skorzeny. Autobiografie*. Hamburg: Hansa Verlag Toth, 1950.

В последнем же варианте своих мемуаров (1975) Скорцени написал о Бандере достаточно подробно – прежде всего в связи с его убийством советским агентом в Мюнхене в 1959 году. Рассказывая о событиях осени 1944-го, Скорцени указывает, что операция по установлению контакта с УПА называлась «Бурый медведь», а гауптман К. – это капитан Керн, ранее служивший в армейском спецназе «Бранденбург»:

«Подразделение Керна перешло линию фронта в декабре 1944 года в Восточной Чехословакии. Через две недели я в первый раз наладил закодированную связь с капитаном Керном по радио. Он встречался с Бандерой, солдаты которого удерживали достаточно обширную лесистую горную местность, размерами пятьдесят на двадцать километров. [...] Бандера согласился эвакуировать раненых немецких солдат, и его люди соорудили посадочную площадку в лесу. Однако на момент окончания работ в остающейся под моим командованием части Люфтваффе “Бомбардировочной авиационной эскадре 200” уже не было топлива! Мы смогли лишь сбросить на парашютах врачей с медицинским снаряжением, лекарства, оружие и боеприпасы. Керну и его людям я приказал, чтобы они пробивались назад.

Солдаты, участвовавшие в операции “Бурый медведь”, прорывались через линию фронта в марте 1945 года в необыкновенно трудных условиях, так как спецподразделению требовалось преодолеть фронт, удерживаемый армиями Украинского фронта генерала Ивана Петрова. Несмотря на это, Керн потерял только пять человек; ни один русский не дезертировал»¹³.

По поводу разного рода мифов о себе Скорцени писал в последней редакции своих мемуаров:

«Тридцать лет существует что-то вроде “мифа Скорцени”. Мне не удалось бы привести даже сотой части абсурдных публикаций, чаще всего недоброжелательных, на тему моих мнимых подвигов. Признаюсь, что до 1960 года я старался просматривать публикации подобного рода, у меня даже хранятся тысячи газетных вырезок, рассказывающих о моих небывалых приключениях. Дело даже не в том, что у борзописцев иссякла фантазия, просто все эти байки надоели мне. [...] Мировая пресса в водовороте горячих и холодных войн не сомневалась в том, что именно я подготовил кое-где несколько революций и организовал “Нацистский интернационал”, или “Паука”, – таинственную мафиозную организацию, занимающуюся различной преступной и подрывной деятельностью»¹⁴.

В случае с Бандерой Скорцени ошибся. Сам он никогда напрямую не работал с украинскими националистами, этим занимались другие структуры. Скорцени не знал, где именно находился в конце 1944 года Бандера, и решил, что после осво-

13 Скорцени О. *Неизвестная война*. С. 454.

14 Там же. С. 554.

бождения из Заксенхаузена он отправился к отрядам УПА в Карпаты, чтобы непосредственно принять командование. Поэтому фразу из мемуаров 1950 года о встрече Керна с руководством УПА он теперь расшифровал как встречу капитана с Бандерой. Но ни о какой эвакуации Бандеры немцами в начале 1945 года Скорцени ничего не писал и вряд ли мог рассказать подобное Семенову.

В тех же случаях, когда Скорцени в интервью говорит правду – то есть примерно то же самое, что он писал в своих мемуарах, – это можно объяснить тем, что Семенов был знаком с этим источником, впервые опубликованном на немецком языке в 1950 году. Думаю, что на самом деле либо интервью Семенова со Скорцени вообще не было, либо их беседа длилась считанные минуты и говорили они совсем не о том, о чем написал автор «Семнадцати мгновений весны» в очерке. В любом случае текст Семенова об интервью со Скорцени – скорее художественное произведение, замаскированное под интервью.

В романе «Семнадцать мгновений весны» Скорцени – эпизодический персонаж. По поручению Гимmlера и Мюллера он пытается получить архивы Бормана – захватить удастся лишь небольшую часть, но там обнаруживается анонимное письмо Штирлица Борману, после чего Гимmlер понимает, что в отделе Шелленберга есть предатель. В сериале же от Скорцени вообще отказались – по вполне понятным причинам. К моменту премьеры фильма Лиозновой (1973) Скорцени был еще жив и в случае, если бы сериал стал известен на Западе, легко мог поднять скандал, без труда доказав, что похищением архивов Бормана никогда не занимался. Это грозило судебными исками к создателям сериала, в том числе к Студии имени Горького и Государственному комитету СССР по телевидению и радиовещанию, что потенциально угрожало советскому имуществу за границей. Поэтому из сериала Скорцени предпочли убрать, а свою встречу с ним Семенов провел (или выдумал) уже после выхода «Семнадцати мгновений» на экран, и рассказ о ней стал частью мифа о главном диверсанте Гитлера.

При своей жизни Скорцени появился в советских кинофильмах только однажды – во втором фильме «Прорыв» (1968) киноэпопеи «Освобождение» Юрия Озерова. Его играл румынский актер Флорин Пьерсик. Но в том фильме требовалось показать похищение Муссолини немцами в сентябре 1943 года, а снять эту сцену без участия Скорцени было весьма затруднительно. Более того, она была снята в точном соответствии с мемуарами Скорцени и не могла вызвать претензий с его стороны.

Карл Вольф в момент публикации романа и выхода на экраны фильма «Семнадцать мгновений весны», как и Скорцени, был еще жив. Но без его образа не только в романе, но и в се-

риале никак нельзя было обойтись. Однако сам факт переговоров Вольфа с Даллесом был хорошо известен, никогда Вольфом не отрицался и не мог его скомпрометировать. А никаких экстравагантных поступков вроде похищения архивов Бормана Семенов обергруппенфюреру не приписывал. Может быть, еще важнее был тот факт, что, в отличие от Скорцени, Вольф в 1961 году был арестован, а в 1964-м приговорен к пятнадцати годам заключения за соучастие в отправке евреев в концлагеря. Его освободили только в 1971-м по состоянию здоровья. Так что в тот момент, когда писались сценарий и роман «Семнадцать мгновений весны», Вольф еще находился в тюрьме. Да и в дальнейшем, учитывая обвинительный приговор по делу о преступлениях против человечности, исков от него можно было не опасаться. С Вольфом Семенов встречался (если встречался) в 1980 году, через семь лет после выхода на экраны телесериала, и беседовал главным образом о перемещенных культурных ценностях.

БОРИС СОКОЛОВ
ЮЛИАН СЕМЕНОВ
И ЕГО МИФЫ

УНГЕРНИАНА ЮЛИАНА СЕМЕНОВА

Киноповесть Юлиана Семена «Исход», как и «Семнадцать мгновений весны», так и не превратилась в беллетристическое произведение, реализовавшись лишь в виде одноименного советско-монгольского фильма 1968 года режиссеров Анатолия Бобровского и Жамьянгийн Бунтара, причем соавтором Юлиана Семенова по сценарию стал монгольский историк Базарын Ширендыб. Второй вариант киноповести публикуется в рецензируемом сборнике (с. 521–576).

В киноповести «Исход» впервые на советском киноэкране в качестве главного персонажа появился генерал-лейтенант, барон Роман фон Унгерн-Штернберг, ставший одним из главных героев (точнее, антигероев) белой эмиграции. До 1968 года барон Унгерн уже дважды появлялся в советских фильмах, но только в качестве второстепенного героя. В советско-монгольской картине «Его зовут Сухэ-Батор» (1942) Александра Зархи и Иосифа Хейфица Унгерна, одного из антагонистов Сухэ-Батора, играет Николай Черкасов. В разгар Великой Отечественной войны немецкая фамилия барона пришлась кстати. Унгерну в фильме приписывают массовые казни монголов, чего в реальности не было, поскольку репрессии Унгерна в Монголии ограничивались русской колонией и пленными китайцами. В картине Зархи и Хейфица войско Унгерна громит главным образом монгольская Красная армия, правда, при содействии русских красноармейцев (в реальности все было наоборот). Эпизод же пленения Унгерна остался за пределами фильма, возможно, по-

тому что пленил Унгерна, а потом передал его красноармейцам монгольский дивизион, входивший в состав унгерновской Азиатской дивизии. Вероятно, по политическим соображениям нельзя было признавать, что часть монголов сражалась на стороне русских белогвардейцев.

Второй раз персонаж, восходящий к Унгерну, появился в экранизации романа Александра Фадеева «Разгром», осуществленной в 1958 году Михаилом Каликом и Борисом Рыцаревым под названием «Юность наших отцов». У Фадеева есть эпизодический персонаж – казачий офицер в черной бурке, убивший Метелицу, а потом возглавивший неудачную атаку на отряд Левинсона¹⁵. Возможно, режиссеры заметили связь этого персонажа с Унгерном и не случайно пригласили на эту роль актера немецкого происхождения Николая Граббе. В «Исходе» Граббе играет одного из чекистов. В «Юности наших отцов» эпизод, где офицер в бурке во главе эскадрона атакует отряд Левинсона, явно отсылает к соответствующей сцене из фильма «Чапаев» (1934). Точно так же финальная сцена с казачьим пулеметом, который расстреливает отряд Левинсона, намеренно вызывает в памяти гибель переплывавшего Урал Чапаева.

Семенов первоначально хотел сделать главным героем «Исхода» красного разведчика в штабе Унгерна Максима Исаева, произведя его в полковники. Но выяснилось, что хронологически поход Унгерна в Монголию совпадает с пребыванием Исаева во Владивостоке в семеновском киноромане «Пароль не нужен». Поэтому в «Исходе» появился двойник Исаева – чекист Прохоров, проникший в унгерновский штаб под видом полковника Андрея Сомова¹⁶ (Владимир Заманский). Тем самым запускалась в оборот версия, что кто-то из окружения Унгерна был советским агентом, что могло вызвать соответствующие версии в эмигрантских кругах. Правда, к тому времени мало кто из бывших соратников Унгерна оставался в живых.

Но что еще интереснее – Юлиан Семенов создал миф о конце Унгерна, продержавшийся до конца СССР, и для которого была необходима фигура чекиста-разведчика Сомова. В «Исходе» при содействии Сомова монголы организуют заговор и восстают против Унгерна (Александр Лемберг), берут барона в плен и передают Красной армии:

15 Партизанский отряд Фадеева освобождал в Забайкалье те места, где ранее был Унгерн, и он много слышал о «черном бароне». В «Разгроме» офицер в черной бурке представлен как человек «с таким противноспокойным, обрюзглым лицом, в неопрятной рыжеватой щетине» (ФАДЕЕВ А.А. *Разгром* // Он же. *Собрание сочинений: В 4 т.* М.: Правда, 1979. Т. 1. С. 170).

16 Не исключено, что фамилию Сомов писатель позаимствовал у Сергея Сомова (1879–1967) – полковника, участника русско-японской, Первой мировой и гражданской войн на Юге России на стороне белых, в 1920 году эмигрировавшего в Париж. См.: ПAVЛЕНКО А.П. *Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак на страницах мемуаров полковника С.Н. Сомова* // Исторический ежегодник. 2013. Вып. 7. С. 224–240. В «Исходе» настоящий полковник Сомов приезжает на Дальний Восток из Парижа.

«Несутся Ванган и Унгерн. Ванган снимает с руки лассо и ловко швыряет его. Падает конь Унгерна, попав ногой в петлю. Летит на землю Унгерн; спрыгивает с седла Ванган – яростно дерется с Унгерном, – это его последний бой, – валит барона, вяжет его, бросает его поперек седла как пушинку и спрашивает:

– Куда его везти, Мунго?

Мунго, не отрывая взгляда от Унгерна, говорит:

– На север, к красным. К Сомову» (с. 576).

В фильме вместо этой финальной сцены дана другая: уже связанного Унгерна передают красноармейцам на пограничной реке, а Мунго (Лайхансурэнгийн Лхасурэн) посылает привет Сомову.

В действительности после неудачного похода против Советской России Унгерн думал вести Азиатскую дивизию в Урянхай (Тыву), а потом в Тибет. Но перспективы тяжелого перехода через пустыню Гоби не вызвали энтузиазма среди офицеров и казаков; кроме того, что еще более важно, их недовольство вызвали жестокие репрессии Унгерна против своих подчиненных. Поэтому дивизия восстала против командира и двинулась в Маньчжурию. После неудачной попытки бывших соратников его убить Унгерн сбежал в монгольский дивизион и попытался с его помощью усмирить бунтовщиков. Но монголы предпочли связать его и выдать красным¹⁷. Близко к действительности история пленения Унгерна описана в романе Константина Седых «Отчий дом» (1957), который является продолжением другого его романа «Даурия» (1948). Там о финале похода Унгерна рассказывает бывший унгерновец, подхорунжий Петр Кустов:

«Пустили на нас сибирских да забайкальских партизан, потом еще целую бригаду кубанцев. Тут-то и припекло нас так, что хуже некуда. Едва вырвались мы на монгольскую сторону.

Отдыхался Унгерн и начал доискиваться, кто в нашей беде виноват. Первым обвинил командира бригады, полковника Казагранди. Он ему поручил Иркутск захватить, а тот даже до Тунки не дошел. Снес ему Унгерн шашкой голову, потом других шерстить принялся. Приказал расстрелять полковников Масальского-Сурина и Свенцицкого, есаула Копейкина и князя Гаджибеклинского. Так обращался он с офицерами. А о нас, грешных, и говорить нечего. Чуть что – и голова долой.

Тогда-то и подбили нас полковники Хоботов и Новицкий бросить Унгерна ко всем чертям и уйти от него. Хотели они на это дело и генерала Резухина подбить, да тот не согласился. Закололи его тогда офицеры у него же в палатке, а нас подняли в полночь с бивака, и пошли мы на юг. Унгерна оставили спать в шатре под охраной монгольского дивизиона, на который он больше всего полагался.

Проснулся он и видит: нет дивизии, снялась и ушла. Он тогда на коня да за нами в погоню. Когда стал нас догонять, наши по нему

17 См.: Соколов Б. В. *Барон Унгерн и Гражданская война на Востоке*. М.: Вече, 2022. С. 237–257.

из пулеметов хлестнули. В него не попали, а от конвоя и половины в живых не оставили. Повернул наш Унгерн назад и унесся в степь. В тот же день, как я слышал потом, оставшиеся с ним монголы связали его и передали красным... Туда ему и дорога, проклятому. Я сперва верил в него, как в бога. Думал, что это самый лучший семеновский генерал, а потом убедился, что это просто помешанный»¹⁸.

Юлиан Семенов наверняка читал роман Седых, равно как и эмигрантские мемуары об Унгерне. Однако в фильме предпочел вовсе не упоминать о восстании унгерновцев против своего предводителя, которое и погубило «черного барона». Согласись Унгерн вести свою дивизию в Маньчжурию (с возможной последующей переправкой ее в белое Приморье) – остался бы жив и писал бы в эмиграции мемуары. Задачей Семенова было приписать заслугу пленения Унгерна Красной армии – и особенно ее монгольским союзникам.

История пленения Унгерна, разработанная в «Исходе», была в общих чертах повторена в фильме «Кочующий фронт» (1971) (режиссер Барас Халзанов, он же автор сценария вместе с Михаилом Колесниковым). Фильм рассказывает о красном командире Петре Щетинкине (1884/85–1927) – бывшем штабс-капитане царской армии. Именно отряду Щетинкина монголы сдали плененного Унгерна. В последней части фильма Щетинкин (Петр Глебов) ведет борьбу с Унгерном (Афанасий Кочетков). Барон говорит, что солдаты и офицеры бросили его и ушли, а солдаты еще к тому же убили его соратника, генерала Резухина.

Здесь надо учитывать, что Барас Халзанов был первым бурятским режиссером. Буряты служили в дивизии Унгерна, его история в Бурятии была хорошо известна, и поэтому режиссер не мог слишком далеко отходить от истины. Но эпизод с концом Унгерна фактически повторяет версию «Исхода». Унгерн с оставшимся отрядом казаков направляется искать убежища к монгольскому князю Сундуй-гуну – реальному лицу (его играет сам режиссер), действительно командовавшему отрядом монголов, захватившим Унгерна. Делает он это по совету есаула Григория Самбурского (Леонид Кулагин), ранее завербованного красными. Самбурской выступает явным аналогом Сомова. И, когда барон прибывает к Сундуй-гуну, его там уже ожидает Щетинкин со своими людьми и арестовывает его. Как и в киносценарии Семенова, в захвате Унгерна решающую роль играет агент красных.

«Кочующий фронт» примечателен еще тем, что в нем Юрий Соломин играет единственную отрицательную роль в своей кинокарьере. Его корнет Шмаков (в конце фильма – штабс-

18 Седых К.Ф. *Отчий край*. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1961. С. 416.

капитан) – законченный подлец, которого настигает заслуженное возмездие¹⁹. Вероятно, кинематографическое начальство испугалось, что исполненная Соломиным в другом фильме, сериале «Адъютант его превосходительства» (1969, режиссер Евгений Ташков), роль капитана Кольцова – хоть и советского разведчика, но носящего мундир капитана белой армии – выглядит слишком привлекательно, и решили так снизить этот образ. Вот только по популярности «Адъютант его превосходительства» далеко превосходил «Кочующий фронт».

БОРИС СОКОЛОВ
ЮЛИАН СЕМЕНОВ
И ЕГО МИФЫ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Юлиан Семенов самым активным образом участвовал в создании трех советских мифов: о разведчике-нелегале Исаеве-Штирлице, об Отто Скорцени и о бароне Унгерне. Он писал преимущественно в массовом жанре политического детектива, и оба произведения, которые создали мифы о Штирлице и Унгерне – «Семнадцать мгновений весны» и «Исход», – были экранизированы.

До наших дней дожил только миф о Штирлице из «Семнадцати мгновений весны», тогда как тот же герой, Исаев, но времен гражданской войны в памяти поколений не отложился, хотя фильмов по этим романам было снято немало, в том числе в последние годы. Сыграло свою роль, что фильмы про гражданскую войну в 1960-е воспринимались уже как архаические. С тех пор сильно изменился быт – даже одежда, которую носили люди, была иная. А вот штатские костюмы Штирлица в «Семнадцати мгновениях» вполне можно было встретить в Москве 1970-х. Да и автомобили, которые показаны в сериале, москвичи еще помнили. Штирлиц-Тихонов поэтому воспринимался как современник даже в 1990-е. Казалось, что именно так должен выглядеть разведчик-нелегал во все времена. Еще более важным фактором долговечности образа стало то влияние, которое КГБ и его преемники имело и имеет в советском и постсоветском обществе. Чекисты были заинтересованы в поддержании мифа о Штирлице, который помогал забыть об их преступлениях и укрепить авторитет спецслужб – тем более, что зрители после появления на экранах «Семнадцати мгновений весны» и его сокрушительного успеха не сомневались в реальности существования этого обаятельного шпиона.

19 Мария Колесникова, жена соавтора сценария фильма «Кочующий фронт» Михаила Колесникова, утверждает, что Шмаков – это реальное лицо, только погиб он не в 1921-м, а в 1934 году от рук монгольских пограничников, когда пытался найти на территории Монголии оставленный Унгерном клад золота и драгоценных камней. Шестнадцать «кладоискателей» были задержаны на китайско-монгольской границе, и во время перестрелки единственный человек, который знал, где спрятаны сокровища, Шмаков, был убит (Колесникова М.В. *Чудо революции. Роман о партизанах и чекисте Щетинкине*. М.: Воениздат, 1990 (<https://coollib.com/b/556843/read>)).